

Панаев Иван Иванович

**Очерки из петербургской жизни
Нового поэта**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И17

И17 **Иван Иванович П.**
Очерки из петербургской жизни Нового поэта: Часть 1 / Панаев Иван Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 462 с.

ISBN 978-5-521-27175-7

ISBN 978-5-521-27175-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

литератора и когда тотъ благосклонно пожалъ мою дрожавшую руку, робко протянутую къ нему. Все въ этомъ литераторѣ казалось мнѣ необыкновенно и велико. Я съ жадностію ловилъ каждое его слово, подмѣчалъ каждое его движеніе, хотя эти движенія, надо сознаться, были очень однообразны, потому что литераторъ только и дѣлалъ, что протягивалъ руку къ стоявшей передъ нимъ бутылкѣ, наполнялъ свой стаканъ и подносилъ его ко рту. Въ его глазахъ, какъ-то странно разгорѣвшихся, когда бутылка была уже почти опорожнена, я видѣлъ священный огонь вдохновенія. Его рѣчи, которыя становились все смѣлѣе и одушевленнѣе, музыкально отзывались въ ушахъ моихъ и поражали меня глубиной и поэзіей.... Онъ говорилъ: «нѣтъ, не хочу писать по русски! Еще Россія не достаточно приготовлена для того, что^{II.}С. ѣ оцѣнить и понимать мои произведенія... Буду писать по французски или по итальянски!» Впослѣдствіи оказалось, что литераторъ могъ только читать по французски, и то не безъ помощи лексикона. Но я, и еще нѣсколько подобныхъ мнѣ, горячихъ, неопытныхъ юношей, ужаснувшись при мысли, что итальянская и французская литературы, въ ущербъ отечественной, пріобрѣтутъ такого таланта, бросились съ чувствомъ къ литератору и вскрикнули, почти въ одинъ голосъ: «О, Бога ради! не лишайте русской литературы вашихъ чудныхъ произведеній! Повѣрьте, что у васъ найдутся и здѣсь цѣнители, — люди, которые горячо сочувствуютъ вамъ....» И голосъ нашъ дрожалъ отъ волненія, а на глазахъ дрожали слезы. Литераторъ былъ

видимо тронуть и открылъ глаза, за минуту передъ этимъ закрытые. Мы полагали тогда, что въ поэтической душѣ его совершались какія нибудь чудныя видѣнія, и онъ, чтобы яснѣ созерцать ихъ, углубился въ самого себя и для того закрылъ глаза. Впослѣдствіи, припоминая эту сцену, мы растолковали ее правдоподобнѣе и ближе къ истинѣ: литераторъ просто выпилъ лишнее и задремалъ... Но, какъ бы то ни было, наши крики, наши мольбы, наши порывистыя движенія вывели его изъ міра фантазіи, или разбудили отъ дремоты. Литераторъ очнувшись, обвелъ насъ мутными глазами и произнесъ торжественно: «Ну, ужъ такъ и быть!» — и при этомъ многозначительно махнулъ рукой — «такъ и быть, буду писать по русски!» и потомъ, обратясь къ намъ, протянулъ обѣ свои руки, которыя мы схватили съ благоговѣйнымъ энтузіазмомъ. «Благодарю васъ, благодарю! Сегодня лучшій вечеръ въ моей жизни, продолжалъ онъ: — я его никогда не забуду. Я нашелъ теплыя и поэтическія сердца, и между нами установился съ сей минуты союзъ нескрушимый и вѣчный, *зана* союзъ тотъ духовный.... Ну, теперь выпьемъ!» И всѣ мы отправились ужинать, и первый тостъ былъ, разумѣется, въ честь литератора, который къ концу ужина заговорилъ тономъ пророческимъ, прекрасно, но не совсемъ понятно... «Шекспиръ—геній, и Шекспиръ—дрянь», проповѣдывалъ онъ. «Я умѣю соединить эти двѣ, повидимому, несоединимыя идеи. У меня свой взглядъ на Шекспира. Да!... Пушкинъ — талантъ, большой талантъ; но онъ никогда не произведетъ

великаго, колоссальнаго. Его пьесы — это художественныя игрушки Бенвенуто-Челлини: отдѣлка — изящество, но въ нихъ нѣтъ *этого*», и при этомъ литераторъ какъ-то сжималъ кулакъ, уже съ большимъ трудомъ ворочая своимъ поэтическимъ языкомъ. «Есть разница между Микель-Анжело и Бенвенуто, между пѣсенникомъ Беранже и творцомъ *Иліады*...» Затѣмъ литераторъ смолкалъ на минуту, выпивалъ стаканъ и продолжалъ, какъ бы говоря съ самимъ собою: — «если Богъ продолжитъ мою жизнь, чувствую, создамъ что нибудь большое и оставляю по себѣ имя. Будетъ чѣмъ помянуть. Въ этой головѣ — и онъ указывалъ на свою голову — роится много поэтическихъ замысловъ и образовъ!»

И таково увлеченіе молодости, что всѣ эти не-связныя рѣчи подгулившаго господина мы принимали, по неопытности и молодости, за вдохновенныя слова поэта, долженствовавшаго совершить переворотъ въ русской литературѣ, начать собой новую эру.... И когда давали его пьесы на сценѣ, мы выходили изъ себя, съ презрѣніемъ смотрѣли на тѣхъ, которые не находили въ нихъ геніальности, кричали, вызывали автора по десяти разъ, стучали палками, ломали стулья, такъ что обратили на себя даже вниманіе блюстителей общественнаго порядка. И изъ-за чего, какъ подумаешь теперь, мы надсаживали себѣ горло, бѣсновались до поту, отбивали себѣ руки? — изъ-за чего?... Одинъ изъ насъ встрѣтилъ недавно нашего бывшаго кумира, оплывшаго и отекашаго.... «Ну, что, ты не напи-

самъ ли чего нибудь новенькаго?» спросилъ онъ его. «Что-о?» протяжно проревѣлъ отставной нашъ кумиръ, усиливаясь на своемъ оплывшемъ лицѣ изобразить иронію. «Я, братъ, нынче этими пустяками не занимаюсь: я теперь кую деньгу! Теперь не то!» И, скорчивъ многозначительную физіономію, онъ важно продолжалъ свой путь.

Но оплывшій литераторъ, *кующій деньгу*, не охладилъ моихъ стремленій и любви къ литературѣ. Всякое новое явленіе къ литературѣ, всякій новый талантъ производили на меня невыразимо-отрадное впечатлѣніе: я радовался всякому литературному успѣху; никогда ни малѣйшее чувство зависти не отравляло меня: напротивъ, натурѣ моей нужны были авторитеты, герои Карлейля, поклоненіе, — и, за неимѣніемъ настоящихъ героевъ, я поклонялся кумирчикамъ, которые созидались людьми мнѣ близкими, которымъ я вѣрилъ и которыхъ уважалъ. Мы ставили нашихъ кумирчиковъ на пьедесталъ и поклонялись имъ съ искреннимъ энтузіазмомъ. Одно-го, произведеннаго такимъ образомъ въ кумиры, куреніями и поклоненіями передъ нимъ, мы чуть было даже не свели съ ума. Этому кумирчику посчастливилось болѣе, нежели другому: его мы носили на рукахъ по городскимъ стогнамъ и, показывая публикѣ, кричали: «Вотъ только что народившійся маленькій геній, который современемъ убьетъ своими произвденіями всю настоящую и прошедшую литературу. Кланяйтесь ему! кланяйтесь!...» Объявляя мы протрубили вездѣ, и на площадяхъ и въ салонахъ. Одна барышня съ пушистыми пуклями

и съ блестящимъ именемъ, бѣлокурая и стройная, пожелала его видѣть, наслышавшись объ немъ, и нашъ кумирчикъ былъ поднесенъ къ ней, и подносившій его говорилъ ей съ восторгомъ: «Вотъ онъ! смотрите! вотъ онъ!»

Барышня съ пушистыми локонами изящно пошевелила своими маленькими губками, которыя она безпрестано обсасывала своимъ маленькимъ язычкомъ, для приданія имъ свѣжести, и хотѣла отпустить нашему кумирчику прелестный комплиментъ, — одинъ изъ тѣхъ комплиментовъ, которые одинъ мой знакомый семинаристъ, учившій дѣтей въ знатномъ домѣ, называлъ обыкновенно «благовонными свѣтскими бездѣлушками» и который (это ужъ нейдетъ къ дѣлу, а такъ кстати) собственную супругу величалъ *милой нелѣпостью*. «Я — говорить — гулялъ сегодня по Невскому съ моей *милой нелѣпостью*».... Такъ только что барышня съ пушистыми локонами хотѣла поднести нашему маленькому генію благовонную свѣтскую бездѣлушку, какъ вдругъ онъ поблѣднѣлъ и зашатался. Его вынесли въ заднюю комнату и облили одеколономъ. Онъ очнулся, но уже не входилъ въ салонъ, гдѣ сидѣла барышня съ пушистыми локонами, ярко освѣщенная свѣтомъ карселей и свѣчъ.... Съ этихъ поръ нашъ маленькій геній сдѣлался невыносимъ: онъ ни за что не хотѣлъ ходить самъ по землѣ или по тротуару, а непременно требовалъ, чтобы мы его носили на рукахъ и поднимали какъ можно выше, чтобы всѣ его видѣли; онъ безпрестанно змился на насъ и кричалъ: «выше! выше!» У насъ совсѣмъ

затекали руки, донельзя поднятыя кверху, а онъ все злился и все кричалъ: «выше!» Онъ началъ упрекать насъ въ зависти, въ ненависти къ нему, когда мы объявили ему наотрѣзъ, что у насъ нѣтъ ни силъ, ни возможности поднять его выше; съ бѣшенствомъ вырывался изъ нашихъ рукъ, соскакивалъ на землю, совсѣмъ загибалъ голову назадъ и необыкновенно величаво прохаживался въ толпѣ, удивляясь, что толпа не замѣчаетъ его и не падаетъ ницъ, при его появленіи.... Оскорбленный толпою, онъ бросался къ себѣ на чердачокъ, и тамъ являлась къ нему аристократическая барышня съ пушистыми локонами и говорила ему: «ты геній! ты мой! Я люблю тебя! Я пришла за тобой. Пойдемъ въ храмъ славы — въ наши яркіе и блестящіе салоны, въ которыхъ ты не услышишь ни одного русскаго слова; тебя надобно познакомить съ *нашими*, потому что *наши* только раздають настоящую славу.... Міръ раздѣляется на два разряда людей: *sonnus* и *insonnus*, и ты ничего не будешь значить до тѣхъ поръ, покуда не познакомишься съ первыми....» И она обвивала его своей душистой рукой и касалась до его лица своими пушистыми локонами.... Онъ сначала не хотѣлъ признавать такого раздѣленія людей: вся природа его возставала невольно противъ такого страннаго дѣленія; но когда рука ея касалась его руки, тщеславіе самое жалкое и мелкое пробуждалось въ немъ и облекалось въ современную форму.... Онъ воображалъ всего себя въ золотѣ, среди раззолоченной, великолѣпно-освѣщенной залы, въ самомъ центрѣ этихъ господъ, которыхъ барышня

съ пушистыми локонами называла сопнус, и эти сопнус подходили къ нему и пожимали ему руку, а она все манила его куда-то... въ какіе-то роскошные и таинственные будуары съ матовымъ освѣщеніемъ и съ гамбсовскими кушетками, какъ въ старинныхъ русскихъ повѣстяхъ... и онъ все шелъ за нею туда, туда! Но видѣніе вдругъ исчезало — и онъ снова видѣлъ себя на своемъ жесткомъ турецкомъ диванѣ съ толкучаго рынка, на своемъ бѣдномъ чердачкѣ, и, протеревъ глаза и оглядѣвшись кругомъ, рыдалъ и съ ужасомъ закрывалъ лицо руками: такъ казался ему тяжелъ переходъ отъ его видѣнія къ дѣйствительной жизни. Однажды, послѣ такого видѣнія, онъ долго ходилъ въ волненіи по комнаткѣ и вдругъ побѣжалъ къ издателю одного журнала, которому далъ какую-то статейку за нѣсколько дней предъ этимъ. Для издателя онъ былъ въ эту минуту такъ же, какъ и для всѣхъ насъ — кумирчикомъ. Кумирчикъ нашъ потребовалъ, чтобы его статью напечатали непременно въ началѣ или въ концѣ книги, чтобы она бросилась въ глаза всѣмъ и была, не въ примѣръ другимъ, обведена золотымъ бордюромъ или каймою. Издатель на все согласился и запѣлъ, потрепавъ маленькаго генія по плечу:

Ты доволенъ будешь мною:
Поступлю я, какъ подлецъ,
Обведу тебя каймою,
Помѣщу тебя въ конецъ.

Съ этой минуты кумирчикъ нашъ сталъ совсѣмъ заговариваться и вскорѣ былъ низвергнутъ нами съ пьедестала и совсѣмъ забытъ. Бѣдный! мы погуби-

ли его, мы сдѣлали его смѣшнымъ. Онъ не былъ виноватъ. Онъ не могъ выдержать себя на той высотѣ, на которую мы его подняли. Но мы сами были увлечены имъ искренно, добродушно, безкорыстно. И мы не были виноваты: развѣ можно ставить въ преступленіе людямъ ихъ молодость, ихъ энтузіазмъ, ихъ увлеченія, ихъ заблужденія?...

У меня въ молодости было много литературныхъ кумировъ и кумирчиковъ (и я не стыжусь признаться въ этомъ), покуда мой взглядъ на жизнь былъ еще неясенъ, покуда убѣжденія мои не успѣли установиться... Я и теперь во многомъ и во многихъ обманываюсь и часто очень забавно заблуждаюсь, и въ литературѣ и въ жизни; но я всегда готовъ торжественно сознаться въ своихъ заблужденіяхъ, если мнѣ ясно докажутъ, что я заблуждаюсь. Людей вѣчно правыхъ, ничему не удивляющихся, никогда не ошибающихся, непогрѣшительныхъ я не терплю, потому что это люди холодные, безъ увлеченій, безъ сердца, хотя, можетъ быть, и въ высшей степени *comme il faut*. Я, во всякомъ случаѣ, предпочитаю людей съ заблужденіями. Есть даже заблужденія, которыя можно назвать *милыми*, выходящія изъ великодушной и доброй натуры, изъ теплаго и любящаго сердца. У меня есть одинъ пріятель, человѣкъ образованный, умный, съ благородными убѣжденіями, писатель съ большимъ и въ высшей степени симпатичнымъ и поэтическимъ талантомъ, съ самымъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ и, притомъ, одинъ изъ милѣйшихъ и пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ, въ которомъ не знаешь что

болѣе любить—человѣка или писателя. Его самоотверженію и великодушію въ отношеніи къ начинающимъ и литературнымъ дилетантамъ нѣтъ границъ, и потому всѣ начинающіе, всѣ кончающіе, всѣ продолжающіе писатели и, кромѣ того, свѣтскіе литературные дилетанты доверчиво, бѣгутъ къ нему съ своими рукописями, и онъ всѣхъ встрѣчаетъ теплымъ словомъ и радушнымъ пожатіемъ руки. У него читаютъ съ утра до вечера, и въ квартирѣ его съ утра до вечера слышится шелестъ переворачиваемыхъ листовъ; онъ заваленъ рукописями. Я знаю, что при одномъ видѣ этихъ рукописей онъ ощущаетъ дрожь по всему тѣлу и непріятное стѣсненіе подъ ложечкой; но, когда является чтець, онъ все-таки, безмолвной жертвой, опускается на стулъ, безнадежно проводитъ рукой по своимъ длиннымъ и густымъ волосамъ, откидывая ихъ назадъ, и своимъ мягкимъ голосомъ, въ которомъ, однако, звучитъ тщательно подавляемая нота отчаянія, приглашаетъ безжалостнаго чтеца начинать...

Свѣтскій литературный дилетантъ, въ такихъ случаяхъ, предварительно долгомъ считаетъ объяснить, что онъ вовсе не литераторъ и не желаетъ быть литераторомъ (и это, замѣтьте, онъ говоритъ литератору: какая любезность и свѣтскость!); что литературой онъ занимается такъ, отъ нечего дѣлать, въ свободные часы; что литература для него не болѣе, какъ развлеченіе, какъ отдыхъ; что онъ не совсѣмъ правильно умѣетъ писать по русски, что онъ къ русской конструкціи не привыкъ; что ему болѣе свой—языкъ французскій, и что за то по

Французски онъ пишетъ совершенно свободно. При этомъ дилетантъ отпустить обыкновенно нѣсколько комплиментовъ моему пріятелю насчетъ его таланта, отъ которыхъ мой бѣдный пріятель невольно сожмется, принужденно улыбнется и, въ отвѣтъ на любезность, пробормочетъ что-то непонятное; а дилетантъ, ко всему этому, прибавитъ еще иногда:

«Я обращаюсь къ вамъ не только какъ къ нашему извѣстному, какъ къ нашему первому писателю, но вмѣстѣ какъ къ человѣку съ изящнымъ вкусомъ, какъ къ человѣку, которому хорошо знакомо *наше* общество и который, слѣдовательно, вполне можетъ оцѣнить и произнести свой судъ надъ моимъ произведеніемъ,—конечно, слабымъ, но въ которомъ, по крайней мѣрѣ, вѣрно изображена *наша* свѣтская жизнь. Вамъ, который посѣщаетъ *наше* общество, въ моемъ разсказѣ будетъ многое знакомо.... Тутъ, знаете, всѣ *наши* нравы, обычаи, которые не всѣмъ литераторамъ могутъ быть извѣстны и понятны; но вы....» и прочее.

И затѣмъ дилетантъ, попросивъ сахарной воды, свободно располагается въ креслѣ и начинаетъ читать съ большимъ одушевленіемъ и очень довольный собою, перебивая отъ времени до времени самъ свое чтеніе такого рода замѣчаніями: «это недурно? неправда ли? Это мнѣ удалось, я самъ чувствую. Какъ вы находите, вѣдь эта страница горлко написана? а?» и прочее.

Литературный новичокъ не имѣетъ смѣлости свѣтскаго дилетанта. Новичокъ безъ всякихъ пред-